

СЕВАСТОПОЛЬ. Севастопольские рассказы по русской классике

Три резонансных премьеры с небольшим интервалом прошли на сцене Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского. В декабре 2016-го – сценическая версия романа Л. Толстого «**Анна Каренина**», в марте 2017-го – «**Чайка**» А. Чехова и перформанс «**маленьких комедий**» «**Театральная коммуналка**» по произведениям Д. Хармса, М. Зощенко, А. Аверченко и А. Бухова (совместный проект с Драматическим театром Черноморского флота РФ имени Бориса Лавренива и Севастопольским театром юного зрителя). Все постановки напрямую связаны с именем главного режиссера луначарцев Григория Лифанова (с той лишь

оговоркой, что первые две – целиком и полностью его детища, а «Коммуналка» – произведение коллективное, приуроченное к Международному Дню театра, потому скажем мы о ней отдельно, тогда как «Каренину» и «Чайку» можно объединить в общий эскиз режиссерского портрета).

Г. Лифанов – режиссер сложный тем, что всякий раз зрителю (и зрителю случайному, и зрителю постоянному и даже зрителю из ряда профессионалов театра) может показаться, что все будет просто, что будет четкое и размеренное сценическое повествование «по школе». И в этом нет ничего плохого, ведь труппа театра им. Луначарского – это замечательный, крепко сыгранный ансамбль

«Анна Каренина». Анна — Н. Романычева, Вронский — Н. Нечаев

«Анна Каренина». Сцена из спектакля

профессионалов, а «незамудренные» спектакли с подобными исполнителями сейчас, во времена битвы «кто кого эпатажнее и изощреннее», скорее роскошь, чем театральный конформизм... Впрочем, «незамудренность» Лифанова всякий раз оборачивается рядом открытий новых пластов, казалось бы, таких знакомых произведений. Растерянностью, смятением. Желанием думать и «передумывать» увиденное. Желанием прийти еще не один раз и «перечитать» спектакли, как раз за разом перечитываешь классические произведения.

Учитывая монументальность великого классика Толстого и, в частности, его романа «Анна Каренина», его многосложности, огромности (здесь мы имеем в виду не количество страниц), на сцене Севастопольского театра им. Луна-

чарского смогли создать свое монументальное, многосложное произведение. И видеть Толстого во всем благолепии, во всех ресурсах академического театра очень приятно. Вглядываясь в «Анну Каренину» луначарцев, в огромный вокзал-трансформер художника **Ирины Сайковской**, будто листаешь внушительный, ценный, с множеством иллюстраций фолиант Льва Николаевича, какой до сих пор еще не видел, и оттого тебе невероятно интересно, несмотря на то, что ты в курсе всех событий.

Условный «фолиант», впрочем, не оказывается старинным: тебе не рассказывают старую как мир историю адюльтера, которая почему-то столько десятилетий волнует умы и сердца (и в этом ее феномен и загадка; особенно в современных реалиях, когда, увы, супружес-

«Чайка». Аркадина — Т. Бурнакина, Тригорин — Н. Нечаев

кая измена — не бог весть, какое событие, даже если это светские персонажи). «Фолиант» спектакля — это, безусловно, современное издание, и постоянный рефрен героев: «Ах, этот XIX век!» — не более чем ирония. Очень скоро обескураживающе блеснут «не из того времени» металлические змейки, казалось бы, исторических костюмов (костюмы — **Ника Брагина**), и мы увидим совсем не то, что ожидали: не историю мечущейся во внутреннем смятении женщины, но пронзительную историю о... мужчинах. Мужчинах, которых не любят...

Эта Кити (**Анастасия Жданова**) не любит Левина (**Александр Аккуратов**). Придет срок, и она поступит с ним, как Анна поступила с Карениным. Потому что Левин, конечно, человек хороший, но он — не «ласковый и нежный зверь»,

как часто его трактуют; он — тютя. И больше всего ему сострадаешь в момент согласия Кити на брак, а не в момент отказа.

Эта Долли (**Алла Салиева**) не любит Стиву (**Александр Порываев**). Она обижена, оскорблена, напугана крахом репутации семьи. И она очень искренна в своих переживаниях. Но она не любит. А Стива — любит. Как умеет. Любит жутко закомплексованную женщину. И очень трудно не искать разрядки на стороне. И видны признаки раннего увядания в этом еще молодом мужчине, «заливающим» внутреннее напряжение водкой. И сочувствия к нему намного больше, чем к Долли. Потому что, не ровен час, и его с такой внутренней (и «внешней») жизнью разобьет удар... А железная Долли проживет до ста лет.

«Чайка». Сцена из спектакля

Несмотря на то что этим семейным дуэтам отведено не так много сценического времени, в полной мере можно оценить, сколь четко и тонко «играют» своих партнеров актрисы, красной нитью ведя замысел режиссера. Бесспорно, в полной мере нам дано понаблюдать, как «играет» своих партнеров главная героиня – Анна Каренина в исполнении **Натальи Романовичевой**. Ультрасовременный («ультрапонятный» каждому!) образ получился у актрисы, несмотря на то, что она словно сошла со страниц романа: Анна очень женственна, пронзительна, изысканна, обаятельна, естественна на фоне остального бомонда. Она достойна лучших даров и наслаждений, какие только может дать любовь... Но здесь, несмотря на все ее отчаяние, все смятение – налицо история стремитель-

ного саморазрушения при невероятном эгоцентризме – затащить с собой, в свой ад, тех, кто тебя безумно любит. Не любя при этом никого. Даже детей (что уж говорить о мужчинах!?). Опаляя, сжигая своими страстями.

Этот Вронский (**Николай Нечаев**) всем сердцем любит Анну. Несмотря на свой относительно юный возраст и непростое положение, он делает для нее и их отношений все, что в его силах и на пределе возможностей. Такая трактовка интересна и нетривиальна: сколь часто мы видели в образе Вронского малодушного Бориса из «Грозы» А. Островского! Но, конечно, ему не по силам тягаться с мощью и сокрушительностью внутреннего женского существа Анны.

Каренин (**Виталий Таганов**) – пожалуй, самый сильный образ спектакля.

Обескураживающий, нежный, заботливый, пронзительный в своем горе, в своей растерянности, в жерновах непреодолимого, позорного соперничества, во внезапной для себя публичной обнаженности на «кострище» любимой женщины.

«Анна Каренина» Григория Лифанова – очень мужской спектакль. За что, учитывая популярную и явно кем-то раскрученную тенденцию мирового масштаба о сильной женщине и слабых мужчинах, хочется особенно поблагодарить постановщика...

В программке к чеховской «Чайке» нас любезно упредили о том, что зритель имеет право на свои собственные философские обобщения и рассуждения. И это – прекрасный ход, учитывая, что произведение в ряду великих сокровищ мирового драматургического наследия, пожалуй, является одним из самых непостижимых и... недостижимых. Улыбку Моны Лизы разгадать представляется возможным, а вот «Чайку» можно разгадывать всю жизнь. И в этом ее феномен.

Постановка Григория Лифанова получилась похожей на первоисточник именно огромной возможностью, амплитудой для дешифровок. При этом здесь нет какой-то сложносочиненной формы «не для средних умов». Эта «Чайка», как и пьеса, выстроена так, что найдет свое и тот, кто вообще не читал ее, и тот, кто видел уже десятки «Чаяк», или ставил ее, или писал по ней культурологические труды... Очень важным видится то, что в спектакле удалось создать не какую-то 101-ую трактовку, а именно ощущение бесконечности шедевра Чехова... Колдовское озеро «Чайки». У луначарцев оно есть. И туда хочется вглядываться. И пытаться ловить из его вод лунный свет.

Вместе с разными планами самой пьесы (поэтическими и реальными) мы видим разные планы в каждом персонаже. На секунду про каждого может показаться, что он – архетипичен (здесь снова очевиден режиссерский почерк пода-

чи). Видели мы похожих Треплевых, Аркадиных, Заречных, Маш... Но нет. У каждого персонажа есть моменты, в которых они не то, что не архетипичны. Они поразительно другие. Поразительно живые. В разные моменты спектакля хочется «схватиться» за каждого: вот он больше всех заслуживает сострадания! То есть, нет: вот она!.. Или не она, а тот другой!?!.. Каждого в разные моменты хочется обнять и плакать с ним. И насчет каждого непременно становится все равно... Нет главных и второстепенных. Нет хороших и плохих. Мы просто ловили в водах озера лунный свет...

То пронзительный в своей нелюбви и щемящем «сиротстве», то циничный содержанец Костя (**Петр Котров**). То не менее пронзительная, фатально потерянная Маша (**Мария Кондратенко**), превращающаяся в унылого семейного тирана... Шамраев (**Евгений Журавкин**), ослепительная характерность которого скоро начинает смахивать на слабоумие. Стоящая особняком в этой трактовке Полина Андреевна (**Ирина Демидкина**), выведенная режиссером из вечной сценической тематики сначала в мощный темпераментный акцент действия, а потом – в узнаваемую и оттого особо неприятную иллюстрацию мучительного проживания жизни с опостылевшим человеком в опостылевших обстоятельствах. Очаровательная обаяшка Нина (**Валентина Огданская**), которой, как всякой неумной красивой девушке, почему-то не хочется умиляться и, уж тем более, – сочувствовать в момент констатации ее заслуженного падения. Как и передумываешь переживать за слово осознанно утопившего изначально живость ума и сердца Тригорина (**Николай Нечаев**), которому буквально только что желал бежать от двух фурий – Аркадиной и Нины – чтобы спасти зачатки своего таланта... «Хватаешься» за лаконичного Дорна (**Юрий Корнишин**), «милого» Сорина (**Сергей Санаев**), обстоятельного, явно несправедливо униженного и оскорбленного Медведенко

«Театральная коммуналка»

(Алексей Корнишин), взгляды в надежде в скользкий по сцене «призрак» Якова (Евгений Овсянников)...

...Но равнодушие загустевает в воздухе вместе со сценическим пространством, разделяя спектакль на то самое колдовское озеро, уходящее в бездонную синь вечернего горизонта, и надвигающуюся на зрителей машину то ли поросшего сухими вьюнками фасада усадьбы, то ли потрескавшейся кромкой льда, то ли зазеркалья – перекрывающую и озеро, и наш «живой» контакт с персонажами, блуждающими где-то далеко, даже не на вторых-третьих, а каких-то запредельных планах (художник – Дмитрий Разумов).

Особняком, бесспорно, стоит образ Аркадиной, воплощенный актрисой **Татьяной Бурнакиной**. Невероятно полнокровный и... правильный (если можно так выразиться, определяя характер образа). Невероятная сила, харизма, подвижность ума; буквально животная опасность и одновременно притягательность... Эту женщину опасаться и одновременно любишь, испытываешь

чувства наблюдателя за действиями паука «черной вдовы». Понимая очень и очень многое про каждого, кто находится в ее ореоле. Осознав, что Нина, возможно, сама того не понимая, возжелала вовсе не Тригорина: она возжелала стать Ею... Кроме того, образ Аркадиной в трактовке Григория Лифанова и исполнении Т. Бурнакиной поднимает вопросы и дает некоторые возможные ответы относительно природы и сути отношений самого Чехова с супругой Ольгой Леонардовной... С женщиной, о которой много спорят, которую не все любят, но которая, тем не менее, была ему бесконечно необходима...

...Говоря о совместном проекте трех северокавказских театров «Театральная коммуналка» (действие из трех мини-спектаклей с двумя антрактами, где в каждом новом акте был представлен отдельный коллектив), мыслить «стандартными» критическими категориями, по меньшей мере, странно: ведь эта коллекция «маленьких комедий» по рассказам известных российских писателей

первой половины XX века задумывалась как подарок севастопольцам к Международному Дню театра и как яркое подтверждение понятия «театр – заговор единомышленников», а уж только потом – «конкурирующие организации»... Учитывая стилистику, тематику и «запахватскость» 20-х годов, можно сказать, что севастопольские театры нарисовали коллективный плакат на тему «Мир. Театр. Март!», вызвавший однозначное одобрение общественности и бурные, продолжительные аплодисменты.

Отметим, что концертная программа «Неудобные соседи» под художествен-

ным руководством Г. Лифанова, в режиссуре **Владимира Крючкова**, **Евгения Овсянникова** и **Татьяны Скуридиной**, представленная в рамках «Театральной Коммуналки» в скором времени преобразовалась в самостоятельный спектакль, органично вписавшийся в репертуар театра им. Луначарского, и, таким образом, его афиша пополнилась сразу четырьмя громкими и хлесткими (как их жизнь и творчество) фамилиями русских писателей: Зоценко, Аверченко, Бухов, Хармс!

Анна ХОРОШКО

ТАМБОВ. А коза-таки зеленая

На сцене **Тамбовского государственного драматического театра** состоялась двойная премьера. Зрители стали свидетелями не только рождения нового репертуарного спектакля «**Мейлах в октябре, или А коза-таки зеленая**», но и выхода на всероссийский театральный подиум новой пьесы, написанной тульским драматургом **Рагимом Мусаевым**. Автор приехал в Тамбов в день важного для него события. Поэтому, как и все зрители, впервые окунулся в атмосферу постановки режиссера **Никиты Рака**. И, надо отметить, она с первых же сцен захватила публику, заставила смеяться, сопереживать, восхищаться языковой сочностью диалогов персонажей. Кто-то вспомнил и, может быть, взгрустнул о далеких бо-х прошлого столетия, кто-то заново открыл для себя реалии советских времен. А основаны они были на той общности многонациональных культур, которой гордился Советский Союз, и которая остается сущностью современной Российской Федерации.

Она проявилась даже в этой постановке. В самом сердце России, на тамбовских подмостках режиссер из Воронежа, сибиряк по рождению, воплотил пьесу, написанную драматургом, в котором смешались русская и азербайджанская кровь. В свою очередь Рагим Мусаев написал пьесу по мотивам повести русского писателя из **Белоруссии Сергея Петрова**, который поведал о жизни евреев маленького провинциального городка. Впрочем, национальный вопрос здесь не столь принципиален. Ведь чудики не от мира сего есть в каждой национальности. Недаром в оригинале у Мусаева пьеса имела подзаголовок «Елупень». В Белоруссии так называют «оболдуев». Есть свое презрительно-снисходительное словечко и у евреев – «шлимазл», – что означает неудачник, недотепа. А уж русские и вообще не поскупились в этом вопросе, собрав в словесном арсенале более четырех десятков подобных эпитетов. Да, бесспорно, Мейлах и растяпа, и лопух. А современная молодежь его бы еще и